

Глеб Иванович Успенский

Будка

Глеб Успенский

Будка

«Public Domain»

1868

Успенский Г. И.

Будка / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1868

«...Будочник Мымрецов принадлежал к числу «неспособных», то есть людей, совершенно негодных в войске. Эти неспособные большею частию происходят или из обделенных природою белорусов, или из русачков северных бесхлебных и холодных губерний. Мачеха-природа и лебеда пополам с древесной корой, питающей их, загодя, со дня рождения, обрекает их быть илотами и богом убитыми людьми; она наделяет их непостижимую умственную неповоротливостию и все почти задавленные стремления человеческой природы сводит на жажду водки, которую они поглощают в громадных размерах; они умеют напиваться молча, не произнося ни единого слова; молча дерутся в кровь и, валяясь где-нибудь в глухом и безлюдном переулке, почти в беспамятстве умеют бормотать только одно: «виноват», ни на минуту не выпуская из скудного и запуганного воображения образ грозного начальства. ...»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Глеб Иванович Успенский

Будка (Очерк)

I

На углу двух весьма глухих и бедных переулков уездного города стояла будка; физиономия ее походила на те беседки с колоннами и куполом, которые встречаются на лубочных изображениях иностранных вилл, причем обыкновенно впереди виллы, в воде, плавают два лебедя друг против друга, сзади видны деревья, а по дорожкам прогуливаются господа в шляпах набекрень, в черных фраках, дети с обручами и дамы с зонтиками на плече; походила она также на те храмы муз, которые обыкновенно изображают на занавесях провинциальных театров; такому сходству весьма способствовала старинная архитектура будки; она действительно была с колоннами и куполом, а каменные ободранные стены ее были круглы; но некоторые, по видимому, весьма ничтожные вещи, как, например, измазанная дверь с клоками истерзанной рогожи и войлока, приземистая черная труба, венчавшая вершину купола, и в особенности жестяная алебарда, видневшаяся всегда у колонн, весьма красноречиво доказывали наблюдателю, что видимое им здание не есть храм муз, но есть кутузка или сибирка; тем более что громадные калоши будочника Мымрецова, набитые для тепла соломой и постоянно торчавшие перед будкой на улице, – ни в каком случае не могли напоминать лебедей, плавающих перед иностранною виллой.

На тоненьких почерневших колонках будки всегда трепетали по ветру какие-то писанные и печатные лоскутки, на которых значилось, что такого-то числа военные и гражданские чиновники приглашаются пожаловать в парадной форме... Что того же числа в мещанской управе будет происходить торг и переторжка на имущество мещанки Степаниды, состоящее из утюга и кровати, оцененных в тридцать копеек... Что в зале дворянского собрания имеет быть бал, почему благоволят надеть белые жилеты те, кои и т. д. Но страна, где стояла будка, не имела ни парадной формы, ни тридцати копеек, чтобы овладеть обольстительным имуществом Степаниды, ни, наконец, белых жилетов; и поэтому-то пропаганда будочника Мымрецова по исчисленным вопросам была совершенно ничтожна; закутавшись в казенную шубу, он, правда, постоянно торчал около той или другой колонки и, по-видимому, сторожил эти писанные и печатные лоскутки, но в сущности смысл и содержание их были ему известны ровно столько же, сколько и жестяной алебарде, которая тоже торчала рядом с Мымрецовым, только у другой колонки... Оба они пропагандировали нечто другое и, следовательно, недаром мерзли на ветру...

Будочник Мымрецов принадлежал к числу «неспособных», то есть людей, совершенно негодных в войске. Эти неспособные большею частию происходят или из обделенных природою белорусов, или из русачков северных бесхлебных и холодных губерний. Мачеха-природа и лебеда пополам с древесной корой, питающей их, загодя, со дня рождения, обрекает их быть илотами и богом убитыми людьми; она наделяет их непостижимою умственной неповоротливостью и все почти задавленные стремления человеческой природы сводит на жажду водки, которую они поглощают в громадных размерах; они умеют напиваться молча, не произнося ни единого слова; молча дерутся в кровь и, валяясь где-нибудь в глухом и безлюдном переулке, почти в беспамятстве умеют бормотать только одно: «виноват», ни на минуту не выпуская из скудного и запуганного воображения образ грозного начальства.

Начальство вообще панически действует на них; при виде его несчастные «неспособные» вытягиваются в струнку, замирают и задыхаются в воротнике, стянутом туго-натуго; виски, намазанные для праздника свиным салом, начинают потеть, а глаза получают способность пускать слезы. Кроме мачехи-природы, последние признаки человеческого существа из них выколачивает военная муштровка; в древние времена результаты ее отдавались у неспособных на скулах, под скулами, на спине и далее. «Муштра» комкала их, переламывала в нескольких направлениях, как какую-нибудь палку или доску, и, оставив в живых только косицы, намазанные свиным салом, сдавала в провинции на разные должности: в «хожалые», пожарные и проч. Воины эти, вступая на новый пост, непременно имели разные увечья и вывихи – разорванную в драке губу, выломанное ребро, ухабы и ямы в голове и спине; соединив эти приобретения с тем наследием природы, о котором уже упомянуто, они представлялись субъектами самого странного свойства; никто никогда не мог вдолбить им в голову чего-нибудь, не относящегося до их пожарной специальности, и, в свою очередь, тоже и от них нельзя было добиться чего-нибудь. Самый краткий разговор с таким существом всегда оканчивался тем, что начавший разговаривать прерывал речь, с ожесточением восклицая: – Да что ты? Ты оглох, что ли?..

Но субъект не оглох, он просто был «неспособный».

Будочник Мымрецов обладал всеми упомянутыми увечьями в полном объеме; все эти вывихи, переломы имелись у него даже в сверхкомплектном количестве, делая из него угрюмую, неповоротливую фигуру, весьма походившую на корень дерева, глубоко сидевший в земле и вывернутый оттуда силою бури; видно было, что тут происходило и упорство, с одной стороны, и сокрушительная сила, с другой; корень вывернут из земли, изувеченный и бездушный.

Несмотря на то, изувеченность и умственное оскудение были главною причиною того блистательного успеха, с которым Мымрецов занимал предназначенный ему пост, можно даже сказать наверное, что успех этот мог увеличиваться и возрастать по мере того, как течение времени и драк будет выхватывать у него новые ребра и делать новые ямы в голове. Только при таких условиях раскраденный умственный капитал его, не развлекаясь никакими посторонними интересами, мог сосредоточиться и даже впитаться в главные его обязанности; обязанности эти состояли в том, чтобы, во-первых, «тащить», а во-вторых, «не пущать»; тащил он обыкновенно туда, куда решительно не желали попасть, а не пускал туда, куда этого смертельно желали. Словом, где только человек находился в положении, определяемом фразою «ни назад, ни вперед», там наверное Мымрецов принимал живейшее участие; говорят, что с течением времени Мымрецов до того въелся в это таскание, что в людях начал замечать только шивороты и этим отличал людей от бессловесных животных и неодушевленных предметов; поэтому-то Мымрецов и жестяная алебарда были представителями шиворотной пропаганды и, следовательно, недаром мерзли на ветру.

Забота о шиворотах поглотила все его существо, так что в ней, как в бездонной пропасти, почти бесследно исчезала последовательная нить его философии и свойства его как семьянина; о семейных отношениях его к супруге можно сказать, что он и жена жили не так, как живут кошка с собакой, потому что несходные качества этих животных совмещались в одной супруге, и Мымрецову осталась роль бесчувственного пня, на который могут брехать собаки и царапать лапами кошки, не надеясь получить в ответ ничего, кроме мертвого равнодушия и поплевываний в угол, и то вследствие приятного ощущения, доставляемого махоркой. Гробовое молчание и угрюмость решительно не давали возможности разглядеть в подробности все личные особенности Мымрецова; несокровенным было то, что он очень любил тютюн, услаждавший его в минуты отдыха, и что три денежки в сутки да ковриги казенного хлеба с нумерами на верхней корке, написанными мелом, поддерживали его изувеченное существование на славу множества шиворотов, и только; мрак угрюмости и молчания непроглядною пеленою покрывал тайну происхождения его других желаний и убеждений. Так, нам уже известно, что он умел, в качестве илота, напиваться молча; по праздничным дням он угрюмо шатался из двора

во двор и везде лил в себя водку, не зная решительно границ этому литью и не подозревая, что желудок его не бездонная пропасть. Целые недели после этого он мучился грудью, поясницей, головой, но на следующий праздник история повторялась в том же порядке.

Такою же таинственностью покрыта его страсть копить серебряные пяточки. Почему он с лихорадочною жадностью завертывает тихомолком каждый пяточок в тысячу тряпок? зачем так далеко прячет их в шерстяной чулок и засовывает потом под крыльцо? Неужели он думает нажать богатства и сокровища? Неужели об этих сокровищах он так усердно молит бога, оставшись вечером один, не спускает с крошечного образочка своих глаз, падает на колени и так крепко, крепко бьет себя кулаком в грудь?..

Мымрецов объясняет эти молитвы и собирание пяточков тем, что скоро он пойдет в свою сторону: он дожидается только времени, когда перестанут у него ныть кости, руки и ноги...

Он ждет, пока у него отойдет хрипота в груди, мешающая ему свободно дышать, и тогда он непременно уйдет к своим...

II

Вообще таинственные свойства души Мымрецова совершенно необъяснимы, и мы, не имея права умозаключать о них, прямо переходим к его деятельности.

Деятельность эта, то есть таскание и хватание за шивороты, не прекращалась у Мымрецова ни на одну минуту: утром он обыкновенно отправлялся в часть и рапортовал начальству о своих успехах, излагая речь сообразно с своею изувеченностью и искалеченностью.

– Ну, – спрашивал его квартальный, перелистывая какие-то бумаги, – ты что же это там с бабами-то воюешь?

– Помилуйте, вашскобродие, я только что отпихнул ее от себя.

– Кого?

– Эту самую даму... Смоленскую...

– Какую Смоленскую?

– Да которая, например, шельма самая... Гордеиха приказывает ее узять, а она говорит: «Я, говорит, с эстой дрянью не пойду». Она, вашскобродие, меня дрянью назвала...

– Ну?

– Ну, я ее отпихнул... говорю: «Ты мне не нужна!» А разодравши они были прежде... Я подбег, они уж разодравши были... и уж глаз расшибли... в том числе...

– В каком числе?

– В числе драки-с.

– Черт тебя знает, что ты городишь! Посадил?

– Помилуйте!

– Ступай!

Обыкновенно дела шли таким образом, что Мымрецов не успевал возвратиться домой, как где-нибудь на пути к будке ему наворачивалась практика; но иногда прямо из части он приходил в будку, расстегивал шинель и, сладостно поплеывая, курил тютюн. В эти минуты он не слышал, как жена его, орудовавшая у печи, костила его по какому-то случаю и замахивалась на него ухватом: угрюмо и безмолвно наслаждался он махоркой; но когда махорка выгорала в трубке и Мымрецову предстояла необходимость ограничиться созерцанием возносимых над его головой ухватов, ему вдруг делалось скучно и тоскливо; выйдя на крыльцо, он тревожно поглядывал в одну и в другую сторону, ища поживы, снова возвращался в будку и начинал чувствовать, что у него болят руки, ноги, ноют кости... Ему непременно нужно было куда-нибудь торопиться, ловить что-нибудь или кого-нибудь. Судьба обыкновенно недолго держала его в таком томительном состоянии.

Вот отворилась дверь, в будку понесло холодом, и вслед за тем появилась фигура женщины в истертой синей шубейке, с лицом, облитым слезами и покрытым темными, словно чернильными, пятнами. Слез и пятен достаточно Мымрецову, чтобы увидеть под ними шиворот. Он начинает торопливо застегивать шинель и говорит:

– Где? – намекая тем на местопребывание шиворота.

Ему не нужно знать, почему и что? он давно убедился, что в этих слезах и синяках ничего не разберет сам черт.

– Ох, да недалечко, родной, – говорит старуха. – Туточко вот... к полю... Уж и наказал господь... О-ох!

– Потому, нам нельзя допускать дебошу, – торопливо говорит Мымрецов, надевая шапку. – Где тесак?

– Сократи ты его! Сделай твою милость...

– Палка где? Потому, мы не допускаем, коли ежели шум, например... Нам этого нельзя...

Палка найдена, и Мымрецов исчезает, куда призывает его долг, а будочница от нечего делать занимается исследованием причины синяков и слез; она знает все, что ни делается в окружности.

– Сынок ай нет? – спрашивает она старуху.

– Ох, нет, родная, не сын! Нету сыновьев-то! зять!

– Зя-ять?.. А то вот тоже у соседей поножовщина идет – ну, там сыновья!..

– Зять, зять, родная!.. Кровную детищу отдала – загубила. И ровно враг меня обошел, как отдавала-то я!.. За вдовца отдавала-то! конокрад, родная!.. Которые родные в то время случились, «что ты, говорят, делаешь? Что ты в гроб-то ее заживо кладешь?..» Дочку-то... Нет! Отдала... Прельщение от него уж очень большое было! «Век, говорит, кормить буду... до смерти...» Искусилась, да вот и вою... Только что, господи благослови, повенчали их, ан гляжу – уж он ее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.